

УДК 81'27:39

АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНЧАН

© 2023 М.Н. Панчехина

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются базовые лингвокультуремы в речи дончан: *завод, шахта, роза, степь*. Каждая из указанных единиц является именем (ядром) для лингвокультурологического поля, внутри которого располагаются лексемы с основными и периферийными значениями, при этом периферийные значения становятся актуальными для регионально маркированных лингвокультурем, что позволяет описать модель лингвокультурологического поля как асимметричную. Между единицами, находящимися внутри лингвокультурологических полей с именами *завод, шахта, роза, степь*, устанавливаются синонимические и антиномические отношения. Синонимические отношения являются вариативными по своей сути, так как едва ли не все единицы, включённые в поле, воспроизводят основное значение и / или его оттенки. Своеобразие антонимических отношений заключается в том, что противопоставление может возникать на уровне имени (ядра) поля и лексемы с центральным значением: *шахта – террикон*. Представленные в статье лингвокультурологические поля позволяют описать специфику языковой картины мира дончан, обозначить основные аспекты лингвокультурной идентичности жителей данного региона. В исследовании применяется метод семантического (лингвокультурологического) поля, метод метаязыкового описания, описательный метод.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, лингвокультурема, лингвокультурологическое поле, имя (ядро) лингвокультурологического поля, группы лингвокультурем.

Введение. Лингвокультурная идентичность субъекта – одно из ключевых понятий современной лингвистики, которое предполагает, что, «принадлежа к определённой культуре и говоря на определённом языке, личность владеет соответствующей лингвокультурой, т.е. умеет кодировать и декодировать знаки данного языка как знаки данной культуры» [4, с. 12]. Лингвокультурная идентичность субъекта проявляется в его коммуникативном поведении, а значит, нормы общения, отдельные лексико-грамматические формы, стилистически маркированные лексемы и вообще язык в широком смысле, принятый и используемый в конкретном социуме, – это аспекты описания феномена лингвокультурной идентичности.

Основополагающим для данного исследования является подход В.В. Красных, согласно которому лингвокультурная идентичность обуславливается внешними факторами, соотносящимися с лингвокультурным окружением субъекта речи и лингвокультурой в целом, и внутренними, зависящими от культурного самоопределения личности. Описание отдельных аспектов лингвокультурной идентичности базируется на теории Н.Ф. Герман: исследователь рассматривает понятие лингвокультурной идентичности субъекта в аспекте межкультурной коммуникации, выделяет «основные условия сохранения устойчивости структуры идентичности и возможности её трансформации» [3, с. 6].

Средствами выражения лингвокультурной идентичности являются лингвокультуремы – комплексные межуровневые единицы, в основе которых лежит взаимодействие лингвистического (знак, значение) и экстралингвистического (понятие, предмет) компонентов, при этом сам говорящий одновременно «и субъект коммуникации, и субъект языка, и субъект культуры» [4, с. 12].

В новейших исследованиях 2022–2023 годов существует тенденция рассматривать лингвокультурную идентичность в контексте изучения этноса. Так, в

статье Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой «выявлены и изучены факторы, оказывающие влияние на процессы сохранения / утраты этнической и лингвистической идентичности: признание / отрицание её наличия со стороны государственных органов, рассмотрение этнической общности как “коренной” или “пришлой”, квалификация идиома как “языка” или “диалекта”, религиозная составляющая лингвокультурной идентичности» [10, с. 85].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы описать специфику лингвокультурной идентичности жителей Донецка, используя в качестве примеров устную и письменную речь дончан.

Достижению цели способствовало выполнение следующих задач:

- определить базовые лингвокультуремы в речи дончан;
- обозначить единицы, формирующие лингвокультурологические поля;
- установить тип отношений между данными единицами;
- описать место лингвокультурологических полей в структуре языковой картины мира дончанина.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы кафедры русского языка Донецкого государственного университета – «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX–XXI столетий в его региолектном и общезыковом воплощениях» (шифр Г 20 / 7, номер государственного учёта НИОКТР 0120Д000037).

Результаты, полученные в данной работе, могут использоваться для исследования языковой ситуации в Донецке при изучении вузовских курсов «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Когнитивная лингвистика».

Основная часть. Донецк формировался как промышленный город, место тяжёлого физического труда, что прослеживается при выделении первой группы базовых лингвокультурем, – это *промышленные* лингвокультуремы, к которым относятся следующие единицы: *завод* и *шахта*.

В 1869 году был заключён договор между Джоном Юзом, основателем Донецка, и царским правительством о строительстве завода по производству рельс. В этом же году было создано Новороссийское общество каменноугольного, железного, стального и рельсового производства. «Такого заводища, пожалуй, во всей империи не сыщешь другого» [5], – пишет А.И. Куприн в рассказе «Юзовский завод». При описании цикла производства А.И. Куприн широко использует метафоризацию, благодаря которой завод становится местом особой энергии и силы: «Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами, иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз. < > Казалось, гигантский апокалипсический зверь ворчит там, в ночном мраке, потрясая стальными членами и тяжко дыша огнём» [5].

Лингвокультурема *завод* представляет собой имя (ядро) лингвокультурологического поля, центр поля образован лексемами, связанными с металлургией: *гудок, железо, металл, огонь, сталь*.

Для дончан заводской гудок – один из символов города, по нему сверяют часы, а сам звук обозначает привычный для промышленного города ход жизни. О сигнале, традиционно звучащем в первый раз в пять утра, сохранились воспоминания в рабочем фольклоре. Например: «*Вставай, милочек, гудит гудочек*»; существовала и лексема с негативной окраской – *гудила*.

Интересно наблюдение Алисы Фёдоровой, которая в тексте для акции «Донецкий диктант – 2018» назвала гудок «озвученным биоритмом города», диктант завершается

следующим резюме: «Жизнь продолжается, – поёт *гудок*, – просыпайтесь, идите куда-нибудь, дышите, танцуйте, пойте, вы же живые!» [8].

Лексемы *железо*, *металл*, *сталь* используются для описания характера дончан: *железный характер*, *люди из металла*, *люди из стали*, что подчёркивает твёрдость нрава, особый тип человека, живущего в данном регионе.

Итак, лингвокультурологическое поле с именем *завод* основывается на множестве лексем, «обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определённую культурную сферу» [2, с. 65] и имеющих социокультурное значение в конкретном регионе.

Как и *завод*, лингвокультурема *шахта* является именем (ядром) лингвокультурологического поля. Её специфика в том, что помимо собственно лексического значения «горнодобывающее предприятие, ведущее подземную добычу угля», «горная выработка с выходом на поверхность», данная единица дополняется дополнительными экстралингвистическими оттенками.

Так, для дончан *шахта* – это «место жительства» Шубина, героя шахтёрского фольклора. Он покровительствует шахтёрам и предупреждает об авариях: согласно поверьям, его видят перед взрывом метана или обрушением пласта. Образ Шубина поэтически осмысливается в одноимённом стихотворении Ольги Старушко:

*Добрый Шубин – только к шахтарям,
чья работа въелась в заусенцы:
к сыновьям земли и дочерям,
ныне – ополченкам, ополченцам.*

*В метр ростом, обушок, фонарь –
он заглянет в самый дальний угол,
чтобы жизнь беречь, как было встарь,
но в глазницах полыхает уголь...*

(О. Старушко «Шубин»)

Имя (ядро) лингвокультурологического поля *шахта* охватывает лексемы, которые являются регионально маркированными: *жужелка*, *тормозок* и общелитературными: *на-гора*, *террикон*, *уголь*. Рассмотрим каждую из них.

Лексема *жужелка*, по-видимому, обнаруживает этимологическую близость слов *уголь* и *огонь*, она обозначает сгоревший уголь, отдавший тепло для растопки печи. Лексема активно используется на южнорусской территории. Иллюстративным примером включения лексемы в художественный текст является стихотворение Алексея Парщикова «Жужелка»:

*Находим её на любых путях
пересмешницей перелива,
букетом груш, замёрзших в когтях
температурного срыва.*

(А. Парщиков «Жужелка»)

Слово, ставшее названием стихотворения Алексея Парщикова, не было понятно современникам, автор добавил сноску: *жужелка* – фрагмент шлака. Примечательно воспоминание современника поэта, Д. Бавильского: «Алексей прочитал мне это стихотворение, держа на вытянутых руках невзрачный камушек, кусок застывшей лавы, пузырчатый шлак, найденный им на обочине шоссе. Оказалось, что всё стихотворение посвящено ему, точнее, тем ассоциациям, которые

у поэта вызвал этот невзрачный объект. Не зная ключа, все эти красоты текста каждый воспринимает по-своему» [1].

Кроме *жуželки*, частотной в бытовом общении является лексема *тормозок*: изначально так называлась еда для перекуса, которую шахтёры берут с собой под землю. В настоящее время значение расширилось: слово используется для обозначения еды, которая даётся в школу детям, берётся с собой в дорогу, на любую работу.

В отличие от *тормозка*, слово *на-гора* является общелитературным. Однако для многих молодых жителей Донецка проблематично установить его значение. Указанное наречие обозначает буквально «на поверхность» (ср. «*выдавать уголь на-гора*»). Его этимология связана с шахтёрским профессионализмом: рудник и наземная часть шахты назывались *горой*. В древнерусском языке слово *гора* обозначало «наверху». В современном русском языке используются выражения типа «*извлечь на-гора смыслы*» – то есть актуализировать и разъяснить те значения, которые были неочевидными, скрытыми.

Если слово *на-гора* содержит этимологическую связь с *горой*, то буквально «донецкими горами», «донбасскими пирамидами» называют *терриконы* – отвалы породы, имеющие треугольную форму. О бытовом осмыслении лексемы свидетельствует тот факт, что дончане дают иллюстративные клички домашним животным: *Террикон*, *Террикоша*, *Тер(р)ик*.

Данная лексема используется при создании некоторых донецких эвфемизмов: «*отнести за террикон*» в значении «похоронить», «*жить за терриконом*» в значении «очень далеко», «*соорудить на голове террикон*» – сделать высокую причёску. Популярна среди жителей Донецка и фраза «*Счастье не за горами, оно – за терриконами*».

Хотя донецкие терриконы и являются именно промышленными символами Донбасса, не следует забывать о стремлении их «окультурить»: в 2023 году на биологическом факультете Донецкого государственного университета появились проекты, авторы которых предлагают создать на терриконах и рядом с ними рекреационные зоны.

Поэтизация образа «донецких гор» характерна для многих стихотворений о Донецке. Приведём фрагмент из стихотворения Леонида Мартынова:

*Вы,
степные исполины,
терриконы-великаны,
тащатся к вам на вершины
вагонетки-тараканы.*

(Л. Мартынов «Терриконы»)

Прослеживая специфику формирования лингвокультурного поля с именем (ядром) *шахта*, следует отметить особое место центральной лингвокультуры *уголь*. Это настоящее «чёрное золото», которое в речи дончан обозначается как «уголёчек», «хлеб», «хлебушек». Интерпретация угля как символа края использовалась при создании монумента «Слава шахтёрскому труду»: шахтёр держит в поднятой над городом руке угольную глыбу. Монумент расположен на Шахтёрской площади города Донецка.

Образ угля широко используется в стихотворениях о Донецке и Донбассе: в поэзии Арсения Александрова, Александры Зайцевой, Евгения Мокина, Анны Ревякиной и других. Ранее нами уже указывалось, что «Угольная элегия» Алексея

Парщикова «является способом репрезентации лингвокультуры «уголь», очевидно связанной с донецким регионом» [6, с. 39].

Примечателен фрагмент из стихотворения «Чёрный хлеб» луганского поэта Елены Заславской:

*Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.
История желает перемен
и крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.*

*Мы стали чёрным хлебом на войне,
а были...были золотые зёрна.*

(Е. Заславская «Чёрный хлеб»)

Как видим, данное лингвокультурологическое поле вмещает в себя систему единиц, которые «имеют не только языковое, но и своеобразное внеязыковое измерение. Их семантика является по существу единством языкового значения и внеязыкового смысла» [2, с. 59]. Представленные выше частотно используемые в языке и речи дончан слова, связанные со сферой тяжёлого физического труда, оригинально переосмысляются и наполняются метафорическими смыслами. Дополнительные значения позволяют обозначить традиционное в данной культуре отношение к предмету речи (хлеб как синоним угля), осмыслить самоопределение жителей Донецка (люди из стали), наконец, отметить несомненную мифологизацию промышленного пространства и существование в нём специфического местного типа городского просторечия – донецкого диффузного региолекта (термин В.И. Теркулова [7]).

Наряду с базовыми промышленными лингвокультурами *завод* и *шахта*, формирующими лингвокультурологические поля, функционирует и другой тип лингвокультур, который мы определили как *природные*. К данной группе относятся *роза* и *степь*.

«Городом роз» Донецк стал называться в конце 60-х – начале 70-х годов 20 века: в этот период Донецкую область возглавлял Владимир Дегтярёв, «хозяин Донбасса», поручивший высадить на территории угольной столицы два миллиона роз. Роза символизирует яркую, южную красоту города, изображение цветка используется на гербе города Донецка.

При описании лингвокультурологического поля с именем *роза* следует выделить периферийные значения, которые становятся актуальными в связи с военными действиями в Донецке: *цветок розы* – символ страданий Христа, *красная роза* – эквивалент крови, *шипы* – сопротивление войне. Как видим, для данного поля периферийные значения имеют хронологическую привязку, они не были столь актуальными для невоенного периода. Это позволяет предположить, что границы лингвокультурологического поля с именем *роза* подвижны и, вероятно, событийно обусловлены.

В языковом сознании дончан роза часто дополняется определением «*донецкая*», само определение подчёркивает идентификацию лингвокультуры с конкретным пространством, усиливает мотив регионального патриотизма. Например: «Я приехала из Москвы посмотреть на *наши розы*, на *настоящие розы*, *донецкие*», «*Донецкие розы* – это *Розы*», «Она попросила, чтобы ей продали *самые красивые розы* – *похожие на донецкие*».

Ср. в стихотворении Вячеслава Теркулова:

*Мой город, моё пространство, моя ойкумена,
мой утренний дождь
и кофе,
её кокетство –
это театра огромная
полная страсти сцена,
утопающая в розах моего Донецка.*

(В. Теркулов «Мой город, моё пространство, моя ойкумена...»)

При формировании лингвокультурологического поля с именем *роза* очевидно, что оно представляет «не столько совокупность взаимосвязанных языковых знаков, сколько совокупность культурных знаний, сведений и представлений, окружающих один языковой знак» [9, с. 79].

Здесь прослеживается тенденция, актуальная и для лингвокультурологического поля с именем *степь*: периферийное значение, маркированное региональной значимостью, перемещается в центр поля и приобретает особую семантику. Так происходит со словосочетанием *донецкая роза*, это же явление наблюдается и при использовании словосочетания *донецкая степь*.

В известной песне «Спят курганы тёмные...» *степь* – протяжённое пространство, к которому герой песни попадает «через рощи шумные и поля зелёные», но, пожалуй, самое содержательное описание даётся в финале песни:

*На работу славную,
на дела хорошие
вышел в степь донецкую
парень молодой.*

(Б. Ласкин «Спят курганы тёмные»)

Донецкая степь осмысливается как место труда и «место хороших дел», в чём прослеживается безусловная связь с образом земли-кормилицы, плодородного донбасского чернозёма. Географическое определение, стоящее перед именем лингвокультурологического поля *степь*, указывает на то, что в данной местности находится залежи угля, что сближает данную лингвокультуру с промышленными. Об особом отношении к степи говорит тот факт, что в 2022 году в Донецкой Народной Республике был создан заповедник «Степь Донецкая» – особо охраняемая природная территория, охватывающая Володарский, Краснолиманский, Славянский, Новоазовский, Тельмановский районы. Площадь заповедника составляет 3033, 2 га.

Разумеется, что *степь* является общекультурно значимым образом, однако в сознании дончан она принципиально *донецкая*, то есть *своя, наша*. Данная лексема может выступать как аналог *родной земли, родины, отеческого пространства*.

Природные и промышленные лингвокультуры, отмеченные в устных и письменных текстах о Донецке, не существуют отдельно друг от друга; лингвокультурологические поля, которые они образуют, способны пересекаться. Иллюстративным примером такого взаимодействия являются популярные в Донецке кованые розы: они изготовлены из *стали* (промышленная лингвокультура), но воплощают *донецкую розу* (природная лингвокультура).

Взаимодействие промышленного и природного начал прослеживается и в другой знаковой для Донбасса скульптуре – пальме Мерцалова. Она была выкована в 1895 году кузнецом Алексеем Мерцаловым из куска рельса, выпущенного «Новороссийским обществом каменноугольного, железного и рельсового производства». Оригинал

хранится в Санкт-Петербурге, в Донецке установлены как минимум две копии. Самой популярной является скульптура, расположенная на бульваре Пушкина, неподалёку от Донецкой областной государственной администрации, вторая копия находится рядом с выставочным залом «Экспо-Донбасс». О популярности пальмы Мерцалова говорит тот факт, что её изображение использовалось на гербе Донецкой области.

Отметим, что на образ реально существовавшего Алексея Мерцалова наслаивается прототип Гефеста – кузнеца, трудящегося в нечеловеческих условиях, в адской наковальне, укрощающего огонь. Вообще труженик, устанавливающий рекорды на производстве, борющийся со стихией, – традиционный образ для Донбасса, воплощающий мировидение и языковую картину жителей промышленного края.

Итак, выделенные лингвокультурологические поля являются подвижными, динамичными структурами, внутри которых лингвокультуремы уподоблены частицам силового поля. В лингвокультурологических полях, как было показано выше, легко выделяется имя (ядро), центральные и периферийные значения. Однако, согласно концепции В.В. Воробьёва [2], единицы внутри лингвокультурологического поля вступают в категориальные отношения, а это значит, что между ними устанавливаются синонимические и антонимические отношения.

Синонимические или вариативные отношения лексем внутри представленных полей выделяются достаточно легко. Для лексемы *завод* синонимами и её вариантами будут *предприятие, цех, комбинат, фабрика, мануфактура* и др. Для *шахты* – *выработка, горнодобывающее предприятие, копь, рудник*, для *розы* – *королева цветов, царица цветов*, для *степи* – *равнина, простор, долина*. Можно утверждать, что все лексемы, которые входят в состав поля, так или иначе дублируют основное значение, обозначаемое как имя (ядро), формируют семантические оттенки.

Проблематичным является выделение лексем, вступающих в антонимические отношения внутри указанных лингвокультурологических полей. Наиболее информативными являются антиномические отношения лексем внутри лингвокультурологического поля с именем (ядром) *шахта*. Здесь нами выделена особая лексема *террикон*, которая выполняет как минимум две основные функции: во-первых, она выступает как носитель центрального значения для выделенного поля, что уже рассматривалось выше, во-вторых, эта же лексема является контекстуальным антонимом к имени поля: *террикон – это как бы вывернутая на поверхность шахта*.

Ср. в стихотворении Алексея Парщикова:

*Молочный террикон в грозу – изнанка угля,
откуда ты не вычитаем, даже если
слоистые, как сланцы, твои дубли
все удаленнее (их тысячи, по Гессе)
от матрицы, запомнившей твой облик.*

(А. Парщиков «Мемуарный реквием»)

Таким образом, две лексемы – *шахта* и *террикон* – вступают в оппозицию, формируя асимметрию лингвокультурологического поля.

Для других лингвокультурологических полей с именем *завод, роза, степь* антонимическое значение будут нести лексемы, которые не соотносятся с данными реалиями донецкого региона. Всё, что не связано с заводом, розой, степью, – это чужое, чуждое, оторванное от местной промышленности и родной природы. Имена указанных лингвокультурных полей можно рассматривать как некие прототипы – прецедентные феномены, формирующие в речи и мышлении дончан представление о мире и малой родине, лежащие в основе языковой личности жителей региона.

Заключение. Итак, в устной и письменной речи дончан нами выделены лингвокультурологические поля с именами *завод, шахта, роза, степь*. Поля легко формируются в две тематические группы: первая – промышленная, вторая – природная.

Имена лингвокультурологических полей, выступающие как базовые лингвокультуремы, несут базовую семантику, которая усиливается благодаря лексемам со смежными понятиями. Однако для уяснения модели лингвокультурологических полей важно учитывать не только основное значение, но и периферийные смыслы. Именно они могут оказываться важными для понимания специфики лингвокультурной идентичности, так как актуализируют регионально значимые коннотации, как это было рассмотрено на примере словосочетаний *донецкая роза* и *донецкая степь*. Актуализация периферийного компонента позволяет переосмыслить структуру поля, которую мы в контексте регионально значимых лингвокультурем называем *асимметричной* – то есть такой, где периферийное значение перемещается в центр поля.

Об асимметричной структуре лингвокультурологических полей с регионально значимыми лингвокультуремами свидетельствует и тот факт, что между единицами внутри полей выстраиваются сложные антиномические отношения, при которых противопоставление возникает не на уровне основного и периферийного значения, а на уровне имени (ядра) и лексемы с основным значением: *шахта – террикон*.

Остальные лингвокультурологические поля характеризуются фактическим отсутствием антиномических единиц внутри поля, что свидетельствует об их широте и о том, что они, по-видимому, продолжают формироваться в языковой картине мира дончан.

Лингвокультурная идентичность дончан подразумевает использование в языке и речи сложных единиц – лингвокультурем, вокруг которых формируются поля смыслов и коннотаций. Лингвокультуремы позволяют обозначить тот факт, что за привычными лексемами, называющими городские реалии, скрываются дополнительные культурные смыслы, определяющие самобытность региона, его языковую уникальность и красоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавильский Д. Нулевая степень морали. Алексей Парщиков [Электронный ресурс] / Д. Бавильский // Топос: литературно-художественный журнал. – Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/1356> (дата обращения: 20.11.2023).
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с.
3. Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации : автореф. дисс. ... канд. культурологии : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / Н.Ф. Герман. – Челябинск, 2009. – 22 с.
4. Красных В.В. Лингвокультурная идентичность Homo loquens / В.В. Красных // Мир русского слова. – 2007. – № 4. – С. 11–15.
5. Куприн А.И. Юзовский завод [Электронный ресурс] / А.И. Куприн // Александр Иванович Куприн: сайт. – Режим доступа: <http://kuprin-lit.ru/kuprin/proza/yuzovskij-zavod.htm?ysclid=lp5od2iyf976957688> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Панчихина М.Н. «Уголь» как лингвокультурема в поэзии Алексея Парщикова / М.Н. Панчихина // Вестник ДонНУ. Серия Д. Филология и психология. – 2021. – № 3. – С. 38–44.
7. Теркулов В.И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта (на примере донецкого региолекта русского языка) / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: сб. науч. ст.: в 2-х т. – Симферополь: Ариал, 2018. – Т. 1. – С. 403–408.
8. Фёдорова А. «А где у города сердце?» [Электронный ресурс] / А. Фёдорова // Сайт МБОУ «Школа № 1145 г. Донецка». – Режим доступа: <https://dnrschool-145.ru/wp-content/uploads/2018/01/3-russkiy-txt.pdf> (dnrschool-145.ru) (дата обращения: 20.11.2023).
9. Хайруллина Р.Х. Лингвокультурологическое поле как единство языка и культуры / Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 4-4. – С. 78–80.

10. Хухуни Г.Т. Сохранение этнической и лингвистической идентичности: единство и противоречие / Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева // Вопросы современной лингвистики. – 2023. – № 3. – С.85–93.

Поступила в редакцию 05.12.2023 г.

ASPECTS OF LINGUISTIC AND CULTURAL IDENTITY OF DONETSK PEOPLE

M.N. Panchehina

The article addresses such basic linguistic culturemes in the speech of Donetsk residents, as *factory, mine, rose, steppe*. Each of these units is the name (core) for a linguocultural field, incorporating lexemes with basic and peripheral meanings, with peripheral meanings being relevant for regionally-marked linguistic culturemes, which makes it possible to identify the model of the linguocultural field as asymmetric. Synonymic and antonymic relations are established between the units within the linguistic and cultural fields with the names *plant, mine, rose, steppe*. Synonymic relations are variable in nature, since almost all units of the field render the main meaning and/or its shades. The peculiarity of the antonymic relations lies in the fact that the opposition can arise at the level of the name (core) of the field and a lexeme with a central meaning: *a mine – a landfill*. The linguistic and cultural fields touched upon in the article enable to describe the specificity of Donetsk people's linguistic worldview, to reveal the main aspects of the linguistic and cultural identity of the inhabitants of this region. A number of relevant methods have been applied in the research, among them are the method of semantic (linguoculturological) field, the method of metalinguistic description, and the descriptive method.

Key words: linguistic and cultural identity, linguistic cultureme, linguoculturological field, name (core) of linguoculturological field, linguocultureme groups.

Панчехина Мария Николаевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: mpanchehina@gmail.com

Panchehina Maria Nikolaevna.

Candidate of Philology.
Donetsk State University.
Associate Professor of the Russian Language
Department.
E-mail: mpanchehina@gmail.com